

Закончив свои размышления, Дафна развязала ленты на чепце и вошла в обеденный зал.

В Секрадионе, где круглый год лето, особняк маркиза Бьюкет был известен своей красотой.

Называть это просто "особняком" было бы неправильно: его роскошью он не уступал летнему дворцу. Король часто бывал здесь, проводя несколько дней, чтобы насладиться виски и игрой в шахматы вместе с отцом.

Комната Дафны находилась ещё дальше от главного здания, за пышным розовым садом. Смело убрав потолок, на втором этаже была создана просторная спальня, которую по утрам наполнял свет, отражённый от реки.

Высокие окна украшали многослойные шторы из голубого шифона, которые, освещённые солнцем, переливались, словно северное сияние.

Как будто ожившая картина.

Открытое окно впускало свежий речной бриз, который играл с его золотистыми волосами, будто с тонкими нитями света. Селестиан, всё ещё сонный, лениво моргал, подперев подбородок широкой ладонью, локоть которой покоился на столе. Полное равнодушие к салату, стоявшему перед ним, говорило о том, что его мысли явно были где-то далеко.

«Как этот ленивец собирался убить дядю?» — мелькнуло в голове Дафны. Она едва сдержала усмешку. В оригинальной истории он даже добился успеха, хотя уже в следующей сцене Психея ловко заманила его в ловушку.

«Теперь это никогда не случится, и я могу быть спокойна», — подумала она, откинувшись на спинку стула.

В тот день Дафна ненадолго вернулась в особняк, чтобы пообедать с ним. Они сидели за длинным столом, каждый на своём конце — как два полюса, разделённых холодной пустотой.

— Госпожа, боюсь, я не могу одобрить вашу новую любовь, — с подчёркнутой вежливостью, но явным недовольством заявил Миша, секретарь, расположившийся слева от Дафны.

Когда Дафна впервые привезла Селестиана в свой дом, слуги едва сдерживали внутреннюю панику. В их карманах спрятались револьверы и кинжалы — каждый был готов пустить оружие в ход, если мятежный принц вздумает устроить беспорядок.

— Что? Он кого-то убил? Что-то сломал? — с игривым напором спросила Дафна, изо всех сил стараясь выглядеть серьёзной.

Секретарь лишь тяжело вздохнул:

— Жаль разочаровывать вас, госпожа, но он вёл себя спокойно.

Селестиан, не отрывая головы от руки, лениво поднял взгляд и пробормотал:

— Вы так обо мне заботитесь. Это трогает до глубины души.

Дафна, не выдержав, усмехнулась:

— Миша, ты слышал? Он считает, что мы о нём заботимся.

— Ваша щедрость, несомненно, безгранична, — сухо прокомментировал секретарь и вновь уставился на свои записи.

Принц, который три дня не вылезал из постели, а проснувшись, действительно вёл себя относительно спокойно. Пока Дафна была занята делами, он неторопливо исследовал дом, словно это его собственные владения.

— Увы, мне не довелось насладиться его «очаровательными проделками», — с лёгкой улыбкой заметила Дафна, возвращаясь к своему ужину. — Всё из-за подготовки к свадьбе наследного принца.

Миша, сидевший рядом, фыркнул, сощутив глаза:

— У меня есть договорённости...

— Какие? И с кем? — Дафна вскинула брови, её взгляд оживился от внезапного интереса.

Миша не ответил сразу. Казалось, он вспомнил что-то неприятное, что вызвало на его лице тень раздражения.

— Госпожа, признаюсь, я бы хотел, чтобы вы не разрывали помолвку с наследным принцем, — наконец произнёс Миша. Его голос был спокоен, но в интонациях чувствовалась твёрдость. — Ромео всегда стремился к миру. Если взглянуть на его прошлое, настоящее или даже предположить будущее, он выглядит достойным кандидатом.

— Правда? — Дафна едва сдержала саркастический смешок.

Она вспомнила, как этот самый «миротворец» в юности едва не утопил её, обвиняя в том, что её рыжие волосы якобы «поджигают всё вокруг». Или как он устроил разгромную вечеринку в день открытия её первого отеля, оправдываясь тем, что это всего лишь «поздравления».

— Вы ведь понимаете, что за измену казнят? — холодно произнёс он, голос стал жёстким, словно острый клинок. — Недооценивать последствия — опасная ошибка.

Дафна нахмурилась, её настроение продолжало стремительно ухудшаться. Мысли о своенравном кузене и мягкой, кроткой Психее не покидали её, усиливая внутренний разлад.

— Ты прав, — наконец ответила она, подавив тяжёлый вздох. — Но обвинение должно быть точным, а наказание — справедливым.

С этими словами Дафна опёрлась локтями на стол, сложив ладони под подбородком, и пристально посмотрела на Селестиана сверкающими глазами. В её взгляде читалась смесь разочарования и любопытства.

Когда Дафна предложила шутливую идею использовать красоту Селестиана в качестве развлечения для публики и взимать за это плату, лицо Миши побледнело. Он нервно снял свои очки и резко поднялся со стула.

— Всё, я ухожу. Спасибо за всё, — бросил он, не скрывая раздражения.

— Ну, приходи позже, — спокойно отозвалась Дафна, махнув ему рукой.

Миша покинул зал с решимостью, но Дафна знала, что он всё равно вернётся в офис. Она равнодушно наблюдала за его уходом, а затем перевела взгляд на Селестиана, который

сосредоточенно пытался подцепить вилкой кусочек кукурузы из салата. Его красные губы чуть надулись, что заставило её усмехнуться.

Этот тихий послеобеденный момент казался Дафне почти идиллическим.

«Если я один выживу, это будет выглядеть странно», — пробормотал он.

«Но ты ведь уже один выжил», — ответила она самой себе с лёгким сарказмом, глядя на него исподлобья.

На судебном заседании в королевском дворце Селестиан в точности следовал её плану. Он изображал невинную жертву, утверждая, что стал жертвой обстоятельств и что его оклеветали из-за банального общения с офицерами.

Дафна, играя роль добросердечного защитника, представила его алиби:

— Мы были вместе в это время, — твёрдо заявила она, вызывая одобрительные возгласы и аплодисменты зрителей.

На следующий день газеты пестрили громкими заголовками:

«Красная Роза Бьюкет: Дафна со слезами на глазах защищает невиновность принца Селестиана».

Но сейчас, глядя на Селестиана, лениво ковырявшего салат, Дафна понимала, насколько мастерски он исполнил свою роль. Его губы, которые могли бы стать оружием, на суде буквально «отрезали» головы всем его врагам.

Она усмехнулась, качая головой:

«Ну что за лицемерный принц, а?»

Это было впечатляющее зрелище. Газетные заголовки уже кричали:

«Спасённый предатель или бог любви в облики злодея?»

Чтобы восстановить репутацию Селестиана хотя бы до уровня «принц с королевской кровью», Дафна не пожалела усилий. Подкупленные ею крупнейшие издания, распространяющие свои новости даже за пределы континента, публиковали тщательно отобранные заголовки, которые идеально вписывались в её замысел.

Селестиан, казалось, наслаждался этим спектаклем, глядя на Дафну с ленивой полуулыбкой.

«Милый», — подумала Дафна, глядя на Селестиана.

Тот, кого ещё недавно называли «этим ублюдком», теперь выглядел достойным заголовка, но всё равно оставался для неё «тем самым ублюдком».

Селестиан оказался невероятно ленивым. Он жаловался на жару, отказывался от еды, если в ней не было мяса, и даже утренние подъёмы для него были испытанием.

— Жарко? Раздевайся, — невозмутимо ответила она, в её словах явно сквозила доля личного интереса.

— Ты всё так же коротка на слова, — проворчал он, цокнув языком.

Дафна терпеливо переносила его выходки, хотя всегда была нетерпелива по натуре. Но ради этого момента, ради того, чтобы однажды увидеть его на эшафоте, она готова была ждать долгие годы.

Селестиан действительно выглядел так, будто ему жарко. Его золотистые волосы, словно шёлк, прилипли ко лбу, обрамляя лицо, которое казалось каким-то невероятно совершенным. Открытое окно позади него впускало свет, из-за чего он выглядел словно герой из полотна великого художника.

Рубашка была небрежно расстёгнута на три пуговицы, обнажая изящные ключицы и рельефную грудь. Но взгляд Дафны невольно остановился на шрамах, пересекавших его шею. Они причиняли ей странную боль.

Всего неделю назад он был беглым предателем, измазанным в грязи. Теперь же, отмытый и ухоженный, он снова напоминал принца, который когда-то блистал в бальных залах королевства.

Когда Дафна собиралась предаться восхищению, приложив руку ко лбу, её остановил Селестиан.

— Принеси веер, Бьюкет, — протянул он с ленивой наглостью.

Дафна усмехнулась, сдерживая смех, и медленно поднялась со своего места. Подойдя к нему, она взглянула на него сверху вниз, с легкой усмешкой на лице.

«Я спасла этого человека от смерти,» — подумала она.

Каждый раз, когда эта красивая улыбка на его лице расплывалась шире, она ощущала удовлетворение. Ведь именно ради этого мужчины она два года упорно копила богатства и ресурсы, сделав его своей главной целью, своей трофейной наградой.

Этот человек, который уничтожил семью и дом Психеи, заявляя, что это была жертва во имя любви. Этот человек, готовый ради любви на всё, включая измену и мятеж. Он был единственным ненавистным персонажем в истории солнечной героини.

— Скажи своё имя, — потребовал он, всё ещё держа одну руку на щеке, а другой нежно обвивая её пряди огненно-рыжих волос.

Его излишне ласковое поведение и взгляд в глаза заставили Дафну слегка усмехнуться.

— Не твоя забота, — ответила она, играя словами.

— Не твоя забота. Красивое имя, — с напускной невинностью повторил он.

— Нет. Я имела в виду, что это не твоё дело, — с ухмылкой поправила его она.

После того как он мастерски сыграл в суде, рыдая и теряя сознание под предлогом любви, Селестиан ни разу не задал Дафне вопрос, почему она его спасла. Теперь, он принимая её поведение за искреннюю привязанность, он, похоже, полностью поверил в её чувства.

И всё же, несмотря на это, Селестиан каждый день писал письма Психее, наполненные любовью и тоской. Дафна с удовольствием сама бы их отправила, лишь бы увидеть, как всё это

закончится.

Она уже предвкушала, как будет держать в руках очередное письмо, зачитывая его для себя в тишине, чтобы увидеть, насколько искренне его душевное волнение.

— Бьюкет, — вдруг сказал он.

— Что?

— Ты ведь даже не думаешь попробовать снова наладить отношения с моим братом?

Дафна безмолвно смотрела на Селестиана, пока её взгляд не стал задумчиво-насмешливым.

«Что за бред собачий?»

Очевидно, под словом «братом» он подразумевал Ромео.

— Мы с ним двоюродные брат и сестра, — сухо ответила она.

— Думаешь, я этого не знаю?

— До прошлой недели ты и этого не знал.

Понимая, что в маленькой голове этого мужчины, кроме Психеи, наверняка больше никого из женщин и быть не может, Дафна готова была простить ему то, что он не связывал её имя с её лицом.

«Но как он вообще может не знать моего имени? Я что, настолько не знаменита?»

Дафна могла бы поспорить на три миллиона леонов, что её имя сейчас мелькает даже в дешёвых газетках, которые читают дети на улицах столицы.

— В Секрадионе не знать меня — это просто глупость.

— Признаю, — спокойно согласился Селестиан, прикрывая глаза.

— Ты признаёшь, что ты глупец?

Дафна едва удержалась, чтобы не рассмеяться.

— Но я всё-таки иностранец, мне простительно, юная мисс Бьюкет, — ответил он, слегка растягивая слова, а его губы мягко сформировали её фамилию.

Его лицо, с идеально очерченными чертами, напоминало ярко-красный гибискус, который мог бы завянуть от его красоты, если бы оказался заправлен за его ухо.

«Вот живёт же человек, даже газет не читает,» — подумала она, закатывая глаза.

— Но я всё же знаю, что вы, мисс Бьюкет, разрушили Денвер, заявив, что хотите стать женой Ромео, — добавил он с лёгкой насмешкой.

Очевидно, он начитался городских сплетен вроде: «Злодейка из Секрадиона безответно влюблена в своего кузена.» Это, вероятно, была единственная информация, которую он смог найти, пока был заперт в доме из-за того, что чистокровные консерваторы требовали его казни.

— Не нужно мне пересказывать эти сплетни, эта "любовь" уже давно в прошлом, — холодно ответила Дафна.

Она подняла руку, жестом показывая, что разговор окончен и её не стоит больше дразнить.

В конце концов, после того как завеса опустилась, поддерживать ложную любовь Дафны было бы бессмысленно. Даже если бы она попыталась, от брошенного принца не осталось бы ничего, кроме крошек!

— Бьюкет, — снова обратился он к ней, не отрывая взгляда от её губ. Дафна почесала шею, перевела взгляд на сверкающую реку Амгель за окном и ответила.

Он оценил её поведение. Он думал, что её роль как невесты наследного принца будет подходящей: молодая, умная, с амбициями. Он был готов пересмотреть своё мнение.

— Может ещё раз подумаешь? — спросил он, слегка касаясь подбородка.

Дафна посмотрела на него, чувствуя, что его серьёзное лицо скрывает множество вопросов, которые она могла бы обсудить.

— Почему ты думаешь, что если я буду счастлива с Ромео, то Психея выберет тебя? — спросила она, погружаясь в глубокие раздумья.

Он ненадолго замолчал, но затем, слегка улыбнувшись, продолжил свою игру с десертной вилкой, разрушив виноград. Похоже, её слова задели его.

— Мне неинтересна роль королевы, — ответила она с откровенной грустью.

На днях, читая газету, главная героиня увидела, что Селестиан не умер и что его казнь была отложена. Это привело её в ярость. Она увидела, как Дафна продолжает свою роль злодейки, но теперь её взгляд был полон негодования.

Дафна была немного удивлена, увидев такую реакцию, даже несмотря на все её злодеяния. Однако её уверенность вернулась, и она попыталась успокоить её, повторяя, что всё будет хорошо, а затем вернулась в дворец.

— Тебе не стоит есть, — сказала она, направив пальцем на его тарелку. Тарелка со звоном полетела на землю и разбилась, издав резкий звук.

— Я как раз был уже сыт, — сказал Селестиан, вздохнув, глядя на осколки, и отряхнул руки.

Дафна собиралась сказать что-то, но он прервал её:

— Тогда другой вопрос! Почему бы тебе не переспать со мной?